

УДК 821.111(73)-3.09
doi 10.17072/2073-6681-2019-4-112-122

АФРОАМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА «НАДИРА»: МИССИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И «ХОЖДЕНИЕ В НАРОД»¹

Ольга Юрьевна Панова

д. филол. н., профессор кафедры истории зарубежной литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. olgapanova65@gmail.com

ведущий научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки новейшего времени

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а

SPIN-код: 1374-2871

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2520-120X>

ResearcherID: K-8102-2018

Статья поступила в редакцию 24.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Панова О. Ю. Афроамериканская литература «надира»: миссия интеллигенции и «хождение в народ» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 112–122. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-112-122

Please cite this article in English as:

Panova O. Yu. Afroamerikanskaya literatura «nadira»: missiya intelligentsii i «khozhdenie v narod» [African American Literature of the Nadir: the Mission of the Intelligentsia and 'Going to the People']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 112–122. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-112-122 (In Russ.)

Период в развитии афроамериканской литературы после Гражданской войны и Реконструкции и до начала Гарлемского ренессанса (1870–1910 гг.) остается малоисследованным как в России, так и в США. Этот период получил в афроамериканистике название «надир» (термин афроамериканского историка и активиста панафриканского движения Р. У. Логана) – «низшая точка» в социальной, культурной, литературной истории афроамериканцев, которая, однако, стала и поворотной точкой, выводящей к новой эпохе – XX в. Ведущей культурной силой в это время является крайне малочисленная негритянская образованная элита – «средний класс». Главным «нервом» афроамериканской литературной истории становится напряжение между характерными для этого класса ассимиляционистскими устремлениями, викторианским кодексом благопристойности и расовым барьером (расизм и сегрегация), характерным для послевоенного американского общества, одержимого страхом миссегенации. В этих условиях негритянский средний класс, ощущающий свою социальную отчужденность от братьев по расе (неграмотная масса черного населения) и расовую отчужденность от братьев по классу (белый американский средний класс), приходит к пониманию необходимости расовой солидарности, принимая на себя миссию по осуществлению программы прогресса черной расы, и делает ставку на высокие моральные качества «простого народа» – черных сельских и городских низов. Хотя в статье фигурируют крупнейшие авторы рубежа XIX–XX вв. (Ч. Чеснат, П. Данбар), основным материалом для исследования стали малоизвестные образцы литературы этого периода: рассказы В. Эрл-Мэтьюз, романы Дж. У. Х. Говарда, У. Стоуэрса и У. Андерсона, стихи С. Брауна.

Ключевые слова: история литературы США; афроамериканская литература 1870–1900-х гг.; «надир»; традиция благопристойности; народный характер; интеллигенция; В. Эрл-Мэтьюз; Дж. У. Говард; афроамериканские исследования.

Период между окончанием Гражданской войны и Реконструкции Юга и до Гарлемского ренессанса (1870–1910-е гг.) занимает важное, но еще не до конца оцененное место в становлении афроамериканской литературной традиции. Как и для всей американской литературы, эта эпоха – мост, уводящий из века XIX в век XX, время перехода, кризиса и поиска новых тем и форм. Вместе с тем для становящейся афроамериканской литературы рубежная эпоха отмечена рядом специфических особенностей. Литература черных американцев создавалась в сложных и опасных условиях. Общенациональная трагедия – гражданская война – перетекает в трагедию региональную – реинтеграцию и радикальную перестройку мятежных штатов, приведшую к исчезновению старого Юга и расовому террору.

Ситуация расовой войны на Юге, «черные кодексы», сегрегация, евгенические практики и законы, расовые теории (см.: [Панова 2014]) – все эти явления прогрессистской эры дали основание негритянскому историку Рейфорду У. Логану назвать период с 1870-х до 1910-х гг. «надиром» (*nadir*), т. е. низшей точкой в истории американских негров [Logan 1965, 1954]. В постшестидесятилетней афроамериканистике произошел идеологически обусловленный сдвиг значения, и этот термин стал означать в первую очередь отказ от расовой гордости (*Black pride*), соглашательство негритянской элиты, проникнутой ассимиляционистским духом, создававшей вторичную, подражательную «псевдокультуру», во всем копировавшую белых и полностью отказавшуюся от попыток утверждения своей самостоятельности и самобытности (см. напр.: [Gayle 1975: 11]).

Совершенно очевидно, что не чернокожие неграмотные массы, но именно крошечная в процентном отношении к остальному черному населению негритянская образованная элита (профессиональный средний класс) определяла облик и развитие негритянской культуры в эпоху «надира», причем классическое образование и безусловное приятие викторианского кодекса благопристойности в качестве эталона «цивилизованности» служило основой этой культуры. Тем не менее влияние левых идеологий и, в первую очередь, ангажированной афроамериканистики в современных университетах столь велико, что в 1989 г., когда был достигнут пик в развитии «афроамериканской литературной теории»², такой серьезный ученый, как Диксон Д. Брюс, вынужден специально пояснять в монографии, посвященной черной литературе этого периода [Bruce 1989], что вовсе не масса сельских негров была движущей силой негритянской культурной истории, так как их фольклор, этика

и бытовая культура (естественно, совершенно отличная от культуры образованного черного среднего класса³) никак (или почти никак) не влияли на развитие литературы и, шире, письменной и печатной словесности, которая создавалась узкой образованной прослойкой [Bruce 1989: 9–10]. В трудах ангажированных афроамериканистов конструируется образ негритянской культуры времен Гражданской войны, Реконструкции и прогрессистской эры на основе фольклора, аболиционистских памфлетов и публицистики, выступлений негритянских активистов, таких как Странствующая Истина (*Sojourner Truth*), или сочинений радикальных мыслителей, занимавших в черной словесности маргинальное положение (Александр Краммелл, Генри Хайленд Гарнет). Однако вопреки пафосу работ, выполненных в духе идеологизированной афроамериканистики (см. напр.: [Levine 1977]), «фольклорная мысль» негров не оказывала и не могла оказывать никакого значимого влияния на ход развития общества и культуры до начала 1910-х гг., т. е. до тех пор, пока фольклор не был признан культурной ценностью. Что касается лидеров, деятельности которых посвящена книга Стерлинга Стаки «Культура рабов: националистическая теория и основание черной Америки» [Stuckey 1987] (Д. Уокер, Генри Х. Гарнет, У. Дюбуа, Пол Робсон), то их взгляды вопреки тому, что утверждает автор монографии, не имеют ничего общего с «фольклорными», «сельскими» (*rural*) ценностями, что ясно обнаруживается из чтения их текстов. Если и можно говорить о каком-либо присутствии фольклорных элементов или мотивов в черной словесности до начала XX в., то это в любом случае стилизации, в основе которых лежит авторская рефлексия и стремление соответствовать европейско-американским культурным и стилевым моделям и нормам. Попытка же С. Стаки, открыто афроцентристского критика, представить процесс формирования культуры американских негров вне американского контекста – как результат смешения разных африканских племенных культур в некое новое афроамериканское целое – не выдерживает критики.

Негритянские писатели и поэты конца XIX в. в 1937 г. были иронически охарактеризованы выдающимся поэтом Гарлемского ренессанса Стерлингом А. Брауном как «школа пересмешников» (*mocking-bird school of poets*) [Brown 1978: 11–12]. Главной причиной столь уничижительного отношения к этому периоду черной словесности, возникшего уже в первой трети XX в., стала не столько подражательность, сколько отсутствие расовой самобытности. «До-

минирование благопристойных идеалов означало, что по большей части эти авторы могли говорить о себе, своих надеждах, стремлениях только на языке американского мейнстрима. Не существовало словаря для выражения черной идентичности как чего-то особого, самобытного» [Bruce 1989: 37]. Негритянская культура обретает сознание своей самобытности и начинает поиск способов ее выражения только в эпоху модернизма (конец 1910–1920-е гг.). Тогда возникает запрос на американскую и, в частности, расовую самобытность, на примитив «отечественного производства», и негритянской культуре предлагаются выработанные в мейнстриме модели, которые она творчески усваивает и развивает. В период же «надира» перед афроамериканской литературой стояли иные задачи, не менее важные и насущные, чем в эпоху Гарлемского ренессанса.

Даже в определении Логана, не говоря уже об открыто тенденциозном современном понимании термина «надир», учитывалась только одна сторона исторической реальности. Период Реконструкции был для американских негров временем больших надежд, и полученный опыт свободы, права участия в выборах и органах власти не пропал втуне. После войны были созданы знаменитые негритянские университеты – Говардский в Вашингтоне (1866), университет Фиска в Нэшвилле (1866) и экспериментальный университет Таскиги в Алабаме, основанный Букером Т. Вашингтоном (1881). Массовая миграция из Черного пояса, резко увеличив негритянское население в больших городах, соответствовала логике прогрессивистской эры: именно в городах возникала «черная буржуазия» – класс предпринимателей и мелких собственников⁴, а также негритянской образованный средний класс – учителя, священники, врачи, инженеры, юристы, словом, черная и цветная интеллигенция.

Немногочисленная негритянская образованная прослойка до Первой мировой войны была тем «креативным классом», который определял ценностные ориентиры и занимался «культурным производством», в том числе и в сфере литературы. О составе, численности этой элиты и о том, какую часть ее составляли литераторы, можно судить по биографическим справочникам того времени [Who's Who of Colored Race 1915; Simmons 1970]. Из включенных туда известных черных американцев почти $\frac{3}{4}$ окончили колледж или университет, более 70 % работали по профессии, в основном в области религии и образования, притом что по данным социологического исследования, проведенного в 1900 г. в университете Атланты Уильямом Дюбуа, в то время на 3,5 тыс. негров приходился только один человек

с высшим образованием [The College-Bred Negro 1900]. Что касается вероисповедования, примерно половина негров среднего класса традиционно принадлежала к самым влиятельным черным церквям – баптистской или Африканской методистской епископальной (АМЕЦ); почти столько же черных образованных профессионалов и буржуа посещали церкви белых деноминаций – епископальную, пресвитерианскую, конгрегационалистскую. Знаменитый чернокожий социолог Ф. Фрэйзер отмечает, что в начале XX в. черные прихожане этих традиционно белых церквей составляли лишь 1 % от всего черного населения [Frazier 1957: 79–80]. Эти интересные данные показывают, и сколь малой была численность негритянской культурной элиты, и сколь сильным было ее стремление к ассимиляции.

Историк Юга и исследователь афроамериканской литературы Д. Брюс, опираясь на архивные данные и публикации 1880–1890-х⁵, так описывает уклад жизни и ценности негритянского среднего класса конца XIX в.: «Множество деталей указывает на тот факт, что черный средний класс разделял превалирующие ценности и вел тот же образ жизни, который был принят в остальном обществе. Часто встречаются свидетельства того, что соблюдение обычаев среднего класса в религиозной практике, да и во всех прочих сферах жизни, было для этих людей предметом особой гордости» [Bruce 1989: 6]. Одно из таких свидетельств – выступление Эндрю Хайлайра, ученого из Говардского университета, который, описывая ценности своего класса, отмечал, что черные и белые американцы среднего класса «говорят на одном языке, читают и предпочитают одну и ту же литературу, молятся одному и тому же Богу, имеют одинаковую веру, одинаковые идеалы, эталоны вкуса, манеры и традиции, любят одну и ту же страну и почитают один и тот же флаг» [ibid.]⁶. Люди, которым принадлежат подобные высказывания, были американцами викторианской эпохи и не считали, что их цвет кожи отличает их от белых собратьев по классу, учитывая, в особенности, тот факт, что «значительная часть среднего класса имела белых предков, была светлокожей и устанавливала расовый барьер (color line), отграничивавший их от людей с более темным цветом кожи» [ibid.].

На усвоение и поддержание викторианского кодекса благопристойности (gentility), характерного для американского среднего класса викторианской эпохи, было нацелено как домашнее воспитание, так и образование – программы школ и университетов, в том числе и Фиска, Говарда, Таскиги, воспроизводившие эталон клас-

сического западноевропейского и престижного американского образования. С теми же целями создавались, начиная с Реконструкции, различные литературные, философские и исторические общества, как, например, Вифлеемская литературно-историческая ассоциация (Bethel Literary and Historical Association, осн. в 1881, г. Вашингтон) при «элитной» столичной Вифлеемской церкви Африканской методистской епископальной церкви (АМЕЦ) или «Клуб книголюбов» (Book Lovers Club) в Канзас-сити⁷.

Никогда в истории черной расы в Америке разрыв между образом жизни и укладом бытовой культуры масс черного населения и образованной элиты не был столь велик; никогда эта элита не была столь трагически одинока: от братьев по расе ее отделяла социальная пропасть, от братьев по классу – расовый барьер. Этот разрыв с массой негритянского населения начал преодолеваться с 1910-х гг., но ликвидирован он так и не был, став источником вражды между образованным негритянским средним классом – «очкариками» (dicties) и черными социальными низами – «крысами» (rats)⁸. Это противостояние к 1920-м гг. стало общим местом черной культуры⁹. В эпоху Гарлемского ренессанса черной интеллигенции приходилось доказывать и отстаивать свое право на «руководящую роль» для «негритянского народа»¹⁰; но в прогрессивистскую эру негритянский средний класс еще убежден в своей роли естественного и бесспорного лидера своей расы, на котором лежит ответственность за униженных, обездоленных, неграмотных собратьев и ответственность за общее будущее «черного народа». Перспективы же негритянской интеллигенции видела только в постепенной интеграции в американское общество и конечной ассимиляции; этой цели служил «расовый прогресс» (racial uplift), направляющей силой которой должен был стать образованный слой.

Тематика и топка в большинстве своем унаследованы от предыдущего этапа, но рассматриваются они уже в другом контексте и с новыми акцентами. Это расовые отношения, мисцегенация, цветные и белые ветви в семье, трагедии полукровок и бастардов, образование, профессия и работа, противопоставление Севера и Юга. Получают тщательную разработку темы, пунктиром обозначенные в довоенный период, – внутрирасовые барьеры, связанные с цветом кожи, пересечение расового барьера светлокочими цветными (passing). Появляются новые темы: реалии расовой войны (линчевания, поджоги, погромы и т. д.), противопоставление города и сельской местности, образованного класса и неграмотного

низшего класса. Характерные типы и персонажи литературы этого периода также во многом уже начали осваиваться в довоенный период: благопристойные героини и герои (как правило, светлокочие полукровки), темнокожие интеллигенты, полные внутреннего благородства неграмотные простецы (как правило, темнокожие), злодеи всех цветов кожи, преследующие благородных героев и героинь. Среди белых – почтенные представители старой плантаторской аристократии, бывшие надсмотрщики – аморальные негодяи, жестокие и алчные враги освобожденных негров, белые учителя (учительницы), филантропы и прочие «друзья негров», расистски настроенные чиновники и политики, негрофобы из белой голи, янки-расисты, алчные прагматики, лицемеры, «честные янки» – помощники негров. Типажи минстрел-традиции и довоенного плантаторского романа обретают нишу в диалектно-регионалистской литературе (Джеймс Эдвин Кэмпбелл, Джозеф С. Коттер, Дэниел Уэбстер Дэвид, Джеймс Д. Коррозерс, поэзия на диалекте Пола Данбара и др.). Первые значимые элементы социального реализма и бытописательства входят в негритянскую литературную традицию на рубеже 1890–1900-х гг. с появлением прозы крупнейших писателей этого периода – Пола Данбара, Чарльза Чеснатта, Полины Хопкинс, Саттона Григгса.

Ориентация на традицию благопристойности вовсе не означала отказ от протеста: после того как аболиционизм исчерпал свою программу, на передний план выходит глобальная для негритянской культуры проблема расизма и сегрегации: столкновение ассимиляционистского идеала с расистскими законами и практиками, весь спектр переживаний и размышлений по этому поводу, выработка стратегий адаптации или борьбы, преодоление трудностей в отношениях с белой расой¹¹ составляют основное содержание литературы «надира», в которой разрабатываются стратегии адаптации и намечаются пути преодоления расовых предрассудков. Ряд историков литературы полагает, что «ключевой силой в черной словесности этого периода было напряжение между расизмом и благопристойным кодексом среднего класса, которого придерживались литераторы» [Bell 1987: 14–15; Bruce 1989: 10].

Как указывает Д. Брюс, именно чувство расовой солидарности и требование расовой справедливости были проявлениями расового самосознания в прогрессивистскую эру – включая и риторику «радикального протонационализма», единственной целью которого было укрепление расовой солидарности [Bruce 1989: 38]. Добавим к

этому списку также тему внутрирасовых барьеров, связанных с цветом кожи («внутрирасового расизма»), зачатки которой возникают в повествованиях и первых романах 1840–1860-х гг. – «Клотель, или Дочь президента» (*Clotel, or The President's Daughter*, 1853) Уильяма Уэллса Брауна, «Семейство Гэри и их друзья» (*The Garies and Their Friends*, 1857) Фрэнка Дж. Уэбба и др. Вся эта расовая тематика, являясь наследием еще довоенной аболиционистской эпохи, переходит в литературу последней трети века и трансформируется в новых условиях. Основной вектор изменений был направлен на освобождение этой проблематики от устаревшего «прокрустово ложа» аболиционизма; в итоге через обновление содержания, форм и языка выражения на рубеже 1890–1900-х гг. складывается т.н. «литература о расовом барьере», вершиной которой стало творчество Чарльза У. Чесната – его романы «За кедрами» (*The House Behind the Cedars*, 1900), «Суть традиции» (*The Marrow of Tradition*, 1901), сборник рассказов «Жена юности его и другие рассказы о расовом барьере» (*The Wife of His Youth and Other Stories of the Color Line*, 1901).

«Реабилитируя» негритянскую благопристойную литературу, Д. Брюс напоминает, что в прогрессивистскую эру эта литература была «показателем оптимизма» негритянских авторов и их веры в будущее [Bruce 1989: 32]. Рабство было отменено, расовые предрассудки казались пре-

одолимыми; стремление черных представителей образованного среднего класса разделять доминирующие в культуре викторианские ценности свидетельствовало о желании добиться признания негров полноценными американцами, которые ничем принципиально не отличаются от своих белых сограждан. Однако после Реконструкции, с обострением расового вопроса, проблема солидарности, защиты своего достоинства и прав становится все более насущной.

Критика самодовольства среднего класса, его отрыва от «черной массы», от собратьев по расе – этих главных опасностей, связанных с приверженностью благопристойному кодексу, раздается уже в 1870–1880-е. В качестве примера приведем сатиру негритянского поэта Соломона Брауна (*Solomon G. Brown*, 1829–1906) «И все-таки он негр» (*He is a Negro Still*). Стихотворение призвано продемонстрировать мышление человека, зараженного расовыми предрассудками, и написано от лица расиста, отказывающегося признать негра равной, какими бы блестящими качествами и достоинствами он ни обладал. С. Браун точно воссоздает благопристойные идеалы ассимиляционистски настроенного среднего класса и показывает, что любые аргументы в пользу полноценности негров, будь то англо-саксонская внешность, ум, образованность, профессионализм, обесцениваются рефреном – «и все-таки он негр».

Suppose his education's rare,
His eyes are blue, complexion fair,
And he's a good position fill –
To us he is a Negro still.

Пусть образован он отменно,
И светлокож, голубоглазый,
Пусть он член общества почтенный –
Для нас он просто черномазый.

Suppose he be physician square
With practice large and charges fair?
He cures disease with extra skill –
To us he is a Negro still.

Пусть врач он, знаниям обучен,
И много кто ему обязан
Здоровьем и благополучьем, –
Для нас он просто черномазый.

[...]

Suppose his wife has manners fine,
Cultured, brilliant, splendid mind?
And every rule she rightly fills
That woman is a Negress still

И с леди, нежной, утонченной,
Пусть узами он брака связан, –
Интеллигентной и почтенной,
Они – лишь пара черномазых.

[Brown 1983: 34]

В финале С. Браун выражает нерушимое ассимиляционистское кредо своего поколения – “Twist and turn it as you may – // The Negro's here, HE'S HERE TO STAY!” (делайте, что хотите, добрые господа, – // Негр уже здесь, и ОН ЗДЕСЬ НАВСЕГДА!)» [Brown 1983: 35]. Однако чтобы негр в Америке занимал достойное положение, среднему классу, по мнению поэта, необходимо проявлять солидарность и бороться за свои права. В сатире «Развлечения

наших прихожан» (*Our Church Entertainments*) Браун в весьма резких выражениях клеймит образованный средний класс за презрение к неграмотным, простым собратьям по расе, за готовность отречься от своих предков и обычаев. Такие культурные явления, как министрел-шоу и литература на диалекте, он считает предательством своей расы, когда «наши бедные невежественные братья» выставляются на посмешище в угоду белым.

They descend to the cabins of old slave grandmothers
 They mimic their language, their worship and glee,
 Expose the defect of their poor ignorant brothers,
 They carry their practice to a fearful degree.
 Still boast the advancement our people are making,
 Yet suffer these evils to daily grow worse
 [...]

Such songs are selected that sound the most funny
 To amuse our white neighbors and draw them around
 And all this is done to gain the more money
 Beside the gate pennies to enter the ground.
 [Brown 1983: 37–38]

(«Они снисходят до визитов в хижины старух, бывших рабынь, / Передразнивают их, подражая их речи, верованиям и пению, / Выставляют напоказ недостатки своих бедных, невежественных братьев, / И эта практика приняла угрожающие размеры. / Они хвалятся прогрессом нашего народа, / Но несчастья этого народа все возрастают. <...> Выбираются те песни, которые звучат особенно смешно, / Чтобы развлекать белых соседей этим ограниченным репертуаром, / И все это – для того, чтобы получить побольше денег, / Чем те гроши, которые собирают с прихожан»).

С. Браун призывает негритянскую интеллигенцию помнить о своем долге – бороться за равноправие и уважение, укреплять расовую солидарность и трудиться ради прогресса черной расы: «Не пора ли нам проснуться и исполнить своей долг / И потребовать от наших лидеров настоящих реформ?» (“Should not we awake and make our true duty, / Demand from our leaders some purer reform?”) [Brown 1983: 38]. Идеалом Брауна, как и большинства негритянских авторов, было органичное соединение благопристойного кодекса с выполнением своего долга – служение на благо своей расы. Благопристойность становится не только мериллом положительного идеала черного героя / героини, не только выражением стремлений и надежд, но и средством противостояния расовому угнетению. Расисты (как следует из стихотворения Брауна) отказываются признавать тот факт, что негр способен воплотить идеал благопристойности. В ответ черные авторы изображают белый расизм как феномен, противоречащий кодексу благопристойности, который сами же белые провозглашают в качестве идеала. Негритянские персонажи в их произведениях неукоснительно следуют кодексу, в то время как белые самым позорным образом демонстрируют нежелание или неспособность жить в соответствии со своими собственными принципами.

На противопоставлении благопристойности черных и лицемерия белых строится роман Джеймса Х. У. Говарда «Невольники и свободные» [Howard 1886]. Это история рабыни по имени Перси, всеми силами старавшейся сохранить свою честь в условиях полной зависимости от хозяина. Светлокожая красавица Перси, лицо

и фигура которой не уступают любой белой ле-ди, отличается душевным благородством, целомудрием, изяществом и достоинством манер. Перси – одна из целого ряда благопристойных цветных героинь, начавших появляться в негритянской литературе еще до гражданской войны. Как обычно, красота и изящество героини становятся для нее в условиях рабства источником грозной опасности. Большая часть романа посвящена стойкому сопротивлению Перси соблазнителью и насильнику, в чьих руках она оказалась. Дочь рабовладельца, после смерти своего отца и хозяина Перси попадает к своему сводному брату и его ревнивой жене, оказываясь между Сциллой и Харибдой. Молодой хозяин преследует ее и к тому же проигрывает в карты ее мужа Уильяма, а хозяйка требует, чтобы она все время нянчила ее сына, покинув собственных детей. Однако Перси остается верна своей семье, супружескому и материнскому долгу и в конце концов бежит на волю, в Канаду, где воссоединяется с Уильямом. В целом «Невольники и свободные» мало отличается от аболиционистских романов, таких как «Наша чернушка» (Our Nig, 1859) Г. Уилсон (Harriet Wilson, 1825–1900) или «Случай из жизни молодой рабыни» (Incidents in the Life of a Slave Girl, 1861) Г. Э. Джейкобс (Harriet Ann Jacobs, 1813–1897). Главная героиня напоминает и героиню Г. А. Джейкобс светлокожую Линду Brent, героически защищавшую свою честь от развращенного деспота-хозяина, и благовоспитанных, но стойких квартиронок из романа Г. Бичер-Стоу – Элизу Гаррис и Эммелину. Новым является подчеркивание контраста между безупречным поведением Перси и ее хозяевами, которые кичатся своей белой кожей и расовым превосходством, будучи по сути безнравственными варварами, даже не понимающими всей глубины своего падения. Расизм тем самым объявляется несовместимым с кодексом благопристойности, – и это положение становится программным в послевоенной негритянской литературе.

Проблема расизма и расового барьера быстро начинает выходить на первый план после окончания Реконструкции. В романе «Призванный» (Appointed, 1894), изданном соавторами У. Стоуэрсом и У. Андерсоном под псевдонимом «Санда» [Sanda 1894], белый молодой человек Сет Стэнли дружит с мулатом Джоном Сондерсом, который вынужден служить официантом, хотя и является дипломированным инженером. Благодаря общению с Сондерсом у Стэнли открываются глаза на положение негров; он учится уважать их стойкость, терпение, их огромные достижения вопреки рабству и дискриминации. Много места занимают в романе нравоучительно-сентиментальные монологи Сондерса, просвещающего своего белого друга: Сондерс рассказывает ему об истории

черной расы, о неграх – героях войны за независимость, приводит примеры возмутительной несправедливости по отношению к неграм и цветным; в частности, Стэнли узнает, что из-за расового барьера Сондерс не смог получить работу по специальности. В финале Сондерс трагически погибает – его линчуют, обвинив в преступлении, которого он не совершал, и потрясенный всем произошедшим Сет Стэнли решает посвятить свою жизнь борьбе за справедливость и расовое равенство, делая это своим призванием. Жертва злобы, предрассудков и неистовства толпы, Сондерс уподобляется невинному агнцу-Христу; тем самым возникает и аллюзия к образу христианина и мученика дяди Тома. Авторы выбирают тип «непротивленца», решая роман в сентиментальном, а не героическом ключе, – однако мученическая смерть растерзанного Сондерса приносит плоды и становится вкладом в дело прогресса расовых отношений и справедливости. Так в негритянскую литературу входит тема линчеваний, дискриминации и не только расовой, но и межрасовой солидарности. Расовая идентичность предстает в романе как величина отрицательная: это знак неравенства, угнетения, неполноценности.

Это очевидно и в рассказе Виктории Эрл-Мэтьюз (Victoria Earle Matthews, 1861–1907)¹² «Ошибка Эжени» (Eugenie's Mistake, 1892), опубликованном в журнале «AME Church Review» и также посвященном межрасовым отношениям. Главная героиня, красавица-южанка Адель Ван Арсден, дочь богатого плантатора из Луизианы, выходит замуж за Ройяла Клиффорда. Адель – типичная благопристойная героиня: нежная, чувствительная, утонченная, блестяще образованная. Ее соперница Эжени Сен-Нуар, стремясь разрушить счастье молодоженов, находит документ, из которого явствует, что у Адель есть негритянская кровь. Узнав об этом, героиня выказывает великодушие и самоотверженность в духе благопристойного кодекса. Она произносит чувствительный монолог, в котором риторически упрекает отца, чье великодушие побудило его скрыть от своей дочери истину и тем разрушить ее счастье, и, не желая губить жизнь мужа, решает тайно покинуть ее. Узнав правду, Клиффорд, вне себя от горя, бросается на поиски любимой, а Эжени, видя крах своих надежд, обращается в бегство. Клиффорд находит Адель в Париже и воссоединяется с ней, признавшись, что и на нем лежит «позорное пятно», так как в нем тоже есть примесь негритянской крови. Тем самым расовый барьер оказывается устранен, и супруги принимают друг друга уже в новом качестве: теперь они не белая, а цветная пара. Сюжет В. Эрл-Мэтьюз построен на двух общих местах послевоенной афроамериканской литературы: узнавании (открытии истины о своей расовой

принадлежности) и пересечении расового барьера (passing); примечательно, что в этом рассказе расовый барьер пересекается в «обратном направлении» – происходит превращение из белого в цветного. Концовка оптимистична и дидактична: в финале звучит важная мысль о том, что в Америке любые добродетели и достоинства человека (чистота, образованность, доброта) обесцениваются «позорным пятном» – примесью негритянской крови.

Любопытно, что в том же 1892 г. южной писательницей-регионалисткой Кейт Шопен, описывавшей жизнь и традиции креолов Луизианы, был написан рассказ на схожий сюжет – «Ребенок Дезире» (Desiree's Baby; опубл. в 1893). Дезире Вальмон, приемная дочь богатых родителей, выходит замуж за надменного знатного плантатора Армана. Супруги кажутся счастливой парой, пока у них не рождается ребенок, во внешности которого заметны признаки негритянской расы. Поскольку настоящие родители Дезире неизвестны, Арман объявляет ее негритянкой и с позором выгоняет из дома вместе с ребенком. Оставшись один, он сжигает вещи своей жены, колыбель своего сына; однако когда он намеревается отправить в огонь пачку писем Дезире, то обнаруживает среди них письмо своей матери, из которого выясняется, что именно у него, а не у Дезире, есть примесь негритянской крови.

Если белые авторы-регионалисты, обращаясь к расовой тематике, постепенно перестают ограничиваться только воссозданием местного колорита и указывают на проблемы межрасовых отношений, то в негритянской литературе идет встречный процесс – расовая проблема постепенно начинает осмысляться и на регионалистском материале. В этом отношении интересен короткий рассказ В. Эрл-Мэтьюз «Тетушка Линди: история, основанная на реальных событиях»¹³. Действие происходит в родном городке писательницы Форт-Вэлли (шт. Джорджия) сразу после гражданской войны. После пожара в городе, от которого пострадало множество людей, местный врач доктор Бронсон просит пожилую негритянку чету, дядю Джоэла и тетушку Линди, взять к себе одного из пострадавших, который находится в очень тяжелом состоянии. Джоэл и Линди вдвоем коротают старость, не переставая горевать о своих детях, которых продал хозяин, навсегда разлучив с родителями. Линди, которая славится как хорошая сиделка, готова приютить больного в своей убогой хижине. Когда больной, пожилой белый джентльмен, оказывается у Джоэла и Линди, старики принимают хлопотать вокруг него, и Линди вдруг узнает в нем массу Джимса – их бывшего хозяина. Кульминация рассказа – драматическая сцена узнавания – искусно построена автором.

Подойдя со свечой к больному, Линди вглядывается в его лицо; у нее внезапно перехватывает дыхание, от потрясения она на минуту впадает в оцепенение, а потом восклицает: «Великий Боже! Да это же масса Джимс!» (“Great Gawd! it’s Marse Jeems!”) [Matthews 1893: 5]. Далее следует описание «горькой, демонической ярости», охватившей старую негритянку, которая узнала хозяйина, продавшего всех ее детей:

«В глазах ее вспыхнул мстительный огонь... демоническая радость и горькая ненависть омрачили ее черты, губы искривила жестокая усмешка. Горящий взгляд ее воспаленных глаз устремился на беспомощную, безжизненную «жертву пожара»; в ее уме, осаждаемом демонами, рождались все новые преступные порывы: жизнь за жизнь! – здесь вдали от чьих-либо глаз... миг – и дыхание прервется, короткое удушье... “Где мои дети? (“Whar’s my chil’en?”) – пронзительно крикнула тетушка Линди прямо ему в лицо. – Попробуй, собери их от четырех ветров, от концов света, ты, старый черт!” (“To de fo’ win’s ob de ear’fh, yo ole debbil, yo’.”) Он не слышал ее, белый, бледный, он лежал без сознания...» (курсив мой. – О. П.) [Matthews 1893: 5].

Однако тут же наступает душевный перелом: Линди вспоминает слова Писания «Мне отмщение, и Аз воздам» и отгоняет прочь мысли о мести. Исполняя заповедь Спасителя, Линди заботливо выхаживает своего врага: «Вскоре она вернула его от врат смерти своими неустанными заботами и столь же неустанной убогой косноязычной молитвой». Добрые семена приносят плод: по выздоровлению «масса Джимс» разыскивает и возвращает родителям единственного оставшегося в живых сына. Важно, что Линди не только сама справляется с демоническим искушением, но и спасает душу «массы Джимса», давая ему возможность покаяться и искупить свои грехи.

Рассказ построен на топосе «черного мессианства»¹⁴ – здесь прочитывается тезис о глубокой религиозности негров, угнетенной расы, через свои страдания приблизившейся к Богу и избранной Им. Легко угадывается и романтически-сентиментальная расовая топика плантаторской (негр как дитя, простодушное и незлобивое) и аболиционистской литературы (негр как образцовый христианин, эталон детской, глубокой, наивной веры, недоступной «слишком цивилизованной» и жестокосердной белой расе). Узнаваема и схема «обращения» (conversion) – «метанойи», пришедшая из традиции духовной автобиографии (см.: [Панова 2012]). Само по себе возвращение этой топика очень значимо: благопристойная традиция 1870–1880-х избегала этой модели, прославленной Бичер-Стоу, поскольку одновременно с христианскими добродетелями в ней подчеркивались смирение, покорность, ассоциировавшиеся

с рабским низкопоклонством. Такие чернокожие авторы, как поэт-эпик Олбери Элисон Уитмен (1851–1901) или историк Дж. Вашингтон Уильямс, открыто выражали свое неприятие «дяди Тома и Топси» [Whitman 1890: 5]. Однако образ тетушки Линди не только актуализирует старую модель, но и вносит существенные отличия.

Новаторским и перспективным в контексте рубежа 1880–90-х является обращение писательницы к «народному характеру» (rural folk character) – простым, неграмотным сельским южным неграм; важно, что писательница акцентирует точки соприкосновения «народного характера» с этикой благопристойности. Тетушку Линди, конечно, нельзя назвать благопристойной героиней, однако ее христианские добродетели те же, на которых зиждется и благопристойное благочестие: неграмотная негритянка, говорящая на диалекте, наделяется глубокой верой, любовью и верностью семье, самоотверженностью, чувством долга, умением справляться с искушениями и побеждать эгоистические импульсы. В образах Джоэла и Линди типажи минстрел-традиции (набожный чернокожий «дядюшка» – Black Uncle и хлопотливая добродушная «нянюшка» – Black Mammy) лишаются комизма, трактуются в серьезном ключе, психологизируются и даже наполняются трагизмом. Сочувственное изображение «народного характера» до известной степени представляет собой отход и от благопристойного мейнстрима: это попытка расширить круг тем и персонажей. Рассказ В. Эрл-Мэтьюз выражает тот же импульс негритянского среднего класса, который был сформулирован и в стихах Соломона Брауна. Это «хождение в народ», укрепление расовой солидарности, помощь обездоленным братьям по расе, что является первым долгом образованной элиты. Эрл Мэтьюз делает еще один шаг вперед: предостерегая свой класс от искушения «комплексом превосходства», она показывает, что элите есть чему поучиться у простой неграмотной негритянки. Через использование элементов регионализма Виктория Эрл-Мэтьюз указывает на возможность раздвинуть границы расового опыта – отыскать важные ценности за пределами благопристойного круга и легализовать в литературе уклад жизни другого, низшего, социального слоя, другие типы характеров. Новаторским является и использование диалекта, который был не в ходу у благопристойных литераторов. Эти тенденции обозначают новые пути для негритянской литературы, по которым она двинется с началом 1910-х гг.

Примечания

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ 18-012-00241 А «История афроамериканской литературы XVIII–XX вв.»

² В 1988 г. вышла знаковая монография Г. Л. Гейтса-мл. «Дразнящая мартышка: афроамериканская литературная теория» (Gates H. L. Jr. *The Signifying Monkey: a Theory of African American Literary Criticism*).

³ См. об этом работы историков, напр.: [Genovese 1974; Williamson 1984].

⁴ Негритянская буржуазия особенно быстро формировалась в городах благодаря притоку черных мигрантов: местные жители и вновь прибывшие открывали в негритянских районах магазины, парикмахерские, кафе, ателье и т. д., обслуживая нужды своей общины. См. классическую работу Ф. Фрезера: [Frazier 1957].

⁵ Диксон Д. Брюс изучал дневники, письма, воспоминания образованных негров той эпохи, таких как члены семейства Гримке, архив Ф. Дугласа, а также работы социологов Говарда, Э. Хайлайра (Andrew Hilyer) и подобные материалы.

⁶ Д. Брюс приводит цитату из записанного текста выступления Э. Хайлайра в собрании Вифлемской литературно-исторической ассоциации АМЕЦ в Вашингтоне «Анализ расовых предрасудков в Америке и способов борьбы с ними» (Hilyer, Andrew F. *Analysis of American Color-Prejudice and How to Suppress It*) в марте 1893 г.

⁷ Д. Брюс приводит выдержки из программы заседаний этого последнего общества в 1905 г.: обсуждались, например, «Душа черного народа» Дюбуа, антропологические труды Э. Тейлора, поэзия А. Теннисона [Bruce 1989: 7].

⁸ Слова в негритянском английском (Black English), обозначающие, соответственно, образованный класс (*dicty* – от диал. *eddicated* – образованный) и неграмотный низший класс.

⁹ Эта тематика широко отражена в литературе Гарлемского ренессанса, например, в романе К. Ван Вехтена «Черномазый раек» (1926), К. Маккея «Домой в Гарлем» (1927) и его рассказах.

¹⁰ Общеизвестно противостояние У. Дюбуа и его круга последователям Ван-Вехтена («ванвехтенитам»), которые красочно описывали быт и уклад черных низов, богемы, люмпенов (Л. Хьюз, К. Маккей, Э. Уолронд, У. Терман, Зора Н. Херстон и др.). См., напр., дискуссию в журнале У. Дюбуа «*The Crisis*» о том, как следует представлять негра в искусстве и литературе. Дискуссия открылась статьей К. Ван Вехтена «Негр в искусстве: как его следует изображать?» [Van Vechten 1926] и анкетой, в которой на этот вопрос ответили несколько черных и белых писателей. Дискуссия на эту тему длилась в «*The Crisis*» на протяжении семи номеров.

¹¹ О трудностях и проблемах в расовых отношениях, о барьерах, которые приходилось преодолевать черному среднему классу, чтобы быть

допущенным к общенациональным культурным институциям – университетам, издательствам, журналам, обществам и т. д., см.: [Williamson 1984: 50–52; Baker 1964].

¹² Виктория Эрл-Мэтьюз родилась в неволе в Джорджии, после освобождения переехала с матерью Нью-Йорк, где окончила школу. Эрл-Мэтьюз прославилась как журналист, участник клубов, активист борьбы за равноправие негров и расовый прогресс. Она была председателем Национальной ассоциации цветных женщин, много работала на глубоком Юге, помогая организовывать школы и сражаясь с джимкроуизмом.

¹³ Первая журнальная публикация – Matthews V. E. *Aunt Lindy: A Story Founded on Real Life* // *A. M. E. Church Review*. 1889. January. Vol. V, no 3. P. 246–250. Позже рассказ был выпущен отдельным изданием в форме памфлета, по которому и цитируется в данной статье [Matthews 1893].

¹⁴ Наиболее ярко этот топос представлен в романе Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (1852); см. о нем подробнее: [Панова 2018; Moses 1982].

Список литературы

Панова О. Ю. Моделирование образа черной расы в американской культуре и литературе рубежа 19–20 вв. // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2014. № 1(74). С. 78–81.

Панова О. Ю. Реальность и художественный вымысел: дядя Том и его прототип // *Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология»*. 2018. № 6. С. 117–130.

Панова О. Ю. «Я восславил Господа»: Джон Маррант и Первое религиозное пробуждение в Америке // *Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Сер. III Филология*. 2012. 2. С. 119–134.

Baker R. S. *Following the Color Line: American Negro Citizenship in the Progressive Era* (1908). N. Y.: Harper & Row, 1964. xviii, 311 p.

Bell B. W. *The Afro-American Novel and Its Tradition*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1987. 448 p.

Brown S. A. *Negro Poetry and Drama. The Negro in American Fiction*. N. Y.: Atheneum, 1978. 209 p.

Brown S. G. *Kind Regards of S. G. Brown. Selected Poems of Solomon G. Brown* / ed. L. D. Hutchinson, G. S. Lowe. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1983. 49 p.

Bruce D. D. *Black American Writing from the Nadir. The Evolution of a Literary Tradition, 1877–1915*. Baton Rouge, LA; L.: Louisiana State University Press, 1989. xiii, 272 p.

The College-Bred Negro: Report of a Social Study made under the direction of Atlanta University, together with the Proceedings of the fifth Conference

for the study of the Negro problems, held at Atlanta University, May 29–30, 1900 / ed. W. E. B. Du Bois. Atlanta, GA: Atlanta University Press, 1900. 115 p.

Franklin F. E. *Black Bourgeoisie. The Rise of a New Middle-Class in the United States*. N. Y.: Free Press, 1957. 264 p.

Gayle A. *The Way of the New World: The Black Novel in America*. Garden City; N. Y.: Anchor Press/Doubleday, 1975. 332 p.

Genovese E. D. *Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made: Two Essays in Interpretation*. N. Y.: Pantheon Books, 1974. xxii, 823 p.

Howard J. H. W. *Bond and Free; a true tale of slave times*. Harrisburg, PA: E. K. Meyers, 1886. 280 p.

Levine L. W. *Black Culture and Black Consciousness: Afro-American Folk Thought from Slavery to Freedom*. N. Y.: Oxford University Press, 1977. xx, 522 p.

Logan R. W. *The Betrayal of the Negro from Rutherford B. Hayes to Woodrow Wilson*. N. Y.: Collier Books, 1965. 447 p.

Logan R. W. *The Negro in American Life and Thought: the Nadir, 1877–1901*. N. Y.: The Dial Press, 1954. x, 380 p.

Matthews V. E. *Aunt Lindy: A Story Founded on Real Life*. N. Y., 1893. 14 p.

Moses W. J. *Black Messiahs and Uncle Toms: Social and Literary Manipulations of a Religious Myth*. University Park, PA; L.: University of Pennsylvania Press, 1982. xii, 278 p.

Sanda (Stowers W. H., Anderson W. H.). *Appointed: An American Novel*. Detroit: Law Print Co, 1894. 321 p. Rpr: N. Y.: AMS Press 1977. 371 p.

Simmons W. J. *Men of Mark: Eminent, Progressive, and Rising (1887)*. Chicago, IL: Johnson Publishing Co, 1970. xix, 829 p.

Stuckey S. *Slave Culture: Nationalist Theory and the Foundations of Black America*. N. Y.: Oxford University Press, 1987. 444 p.

Van Vechten C. *The Negro in Art: How Shall He Be Portrayed? // The Crisis*. 1926. March. Vol. XXXI. P. 219.

Whitman A. A. *Preface // Whitman A. A. Twasinta's Seminoles, or The Rape Of Florida (1884)*. St. Louis, MO: Nixon-Jones Printing Co, 1890. P. 5–6.

Who's Who of Colored Race. A general biographical dictionary of men and women of African descent. Memento ed. / ed. F. L. Mather. Chicago, IL: F. L. Mather, 1915. 296 p.

Williamson J. *The Crucible of Race: Black / White Relations in the American South Since Emancipation*. N. Y.: Oxford University Press, 1984. xviii, 561 p.

References

Panova O. Yu. Modelirovanie obraza chernoy rasy v amerikanskoj kul'ture i literature rubezha 19–20 vv. [Afro-American race image formation in

American culture and literature in 19th–20th centuries]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [The Humanities and Socio-Economic Sciences], 2014, issue 1(74), pp. 78–81. (In Russ.)

Panova O. Yu. Real'nost' i khudozhestvennyy vymysel: dyadya Tom i ego prototip [Uncle Tom and the character archetype: facts and fiction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2018, issue 6, pp. 117–130. (In Russ.)

Panova O. Yu. 'Ja vosslavil Gospoda': Dzhon Marrant i pervoe religioznoe probuzhdenie v Amerike. ['I Praised the Lord': John Marrant and the first great awakening in America]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo universiteta Ser. 3. Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series 3. Philology], 2012, issue 2, pp. 119–134. (In Russ.)

Baker R. S. *Following the Color Line: American Negro Citizenship in the Progressive Era (1908)*. New York, Harper & Row, 1964, vol. 18. 311 p. (In Eng.)

Bell B. W. *The Afro-American Novel and Its Tradition*. Amherst, MA, University of Massachusetts Press, 1987. 448 p. (In Eng.)

Brown S. A. *Negro Poetry and Drama. The Negro in American Fiction*. New York, Atheneum, 1978. 209 p. (In Eng.)

Brown S. G. *Kind Regards of S. G. Brown. Selected Poems of Solomon G. Brown*. Ed. by L. D. Hutchinson, G. S. Lowe. Washington, DC, Smithsonian Institution Press. 1983. 49 p. (In Eng.)

Bruce D. D. *Black American Writing from the Nadir. The Evolution of a Literary Tradition, 1877–1915*. Baton Rouge, LA, L., Louisiana State University Press, 1989. xiii, 279 p. (In Eng.)

The College-Bred Negro: Report of a Social Study Made under the Direction of Atlanta University, together with the Proceedings of the fifth Conference for the Study of the Negro Problems, Held at Atlanta University, May 29–30, 1900. Ed. by W. E. B. Du Bois. Atlanta, GA, Atlanta University Press, 1900. 115 p. (In Eng.)

Franklin F. E. *Black Bourgeoisie. The Rise of a New Middle-Class in the United States*. New York, Free Press, 1957. 264 p. (In Eng.)

Gayle A. *The Way of the New World: The Black Novel in America*. Garden City, NY, Anchor Press / Doubleday, 1975. 332 p. (In Eng.)

Genovese E. D. *Roll, Jordan, roll: The world the slaves made: Two essays in interpretation*. New York, Pantheon Books, 1974, vol. 22. 823 p. (In Eng.)

Howard J. H. . *Bond and Free; a True Tale of Slave Times*. Harrisburg, PA, E. K. Meyers, 1886. 280 p. (In Eng.)

Levine L. W. *Black culture and black consciousness: Afro-American folk thought from slavery to freedom*. New York, Oxford University Press, 1977, vol. 20. 522 p. (In Eng.)

Logan R. W. *The Betrayal of the Negro from Rutherford B. Hayes to Woodrow Wilson*. New York, Collier Books, 1965. 447 p. (In Eng.)

Logan R. W. *The Negro in American Life and Thought: the Nadir, 1877–1901*. New York, The Dial Press, 1954, vol. 10. 380 p. (In Eng.)

Matthews V. E. *Aunt Lindy: A Story Founded on Real Life*. New York, 1893. 14 p. (In Eng.)

Moses W. J. *Black Messiahs and Uncle Toms: Social and Literary Manipulations of a Religious Myth*. University Park, PA, L., University of Pennsylvania Press, 1982, vol. 12. 278 p. (In Eng.)

Sanda (Stowers W. H., Anderson W. H.). *Appointed: An American Novel*. Detroit, Law Print Co, 1894. 321 p. Rpr: N. Y.: AMS Press 1977. 371 p. (In Eng.)

Simmons W. J. *Men of Mark: Eminent, Progressive, and Rising* (1887). Chicago, IL, Johnson Publishing Co, 1970, vol. 19. 829 p. (In Eng.)

Stuckey S. *Slave Culture: Nationalist Theory and the Foundations of Black America*. New York, Oxford University Press, 1987. 444 p. (In Eng.)

Van Vechten C. The Negro in art: How shall he be portrayed? *The Crisis*, 1926, March, vol. 31. p. 219. (In Eng.)

Whitman A. A. Preface. Whitman A.A. *Twasi-ta's Seminoles, or The Rape of Florida* (1884). St. Louis, MO, Nixon-Jones Printing Co, 1890, pp. 5–6. (In Eng.)

Who's Who of Colored Race. A General Biographical Dictionary of Men and Women of African Descent. Memento ed. Ed. by F. L. Mather. Chicago, IL, F. L. Mather, 1915. 296 p. (In Eng.)

Williamson J. *The Crucible of Race: Black/White Relations in the American South Since Emancipation*. New York, Oxford University Press, 1984, vol. 18. 561 p. (In Eng.)

AFRICAN AMERICAN LITERATURE OF THE NADIR: THE MISSION OF THE INTELLIGENTSIA AND 'GOING TO THE PEOPLE'

Olga Yu. Panova

Professor in the Department of Foreign Literature

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. olgapanova65@gmail.com

Leading Research Associate in the Department of Contemporary European and American Literature

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russian Federation

SPIN-code: 1374-2871

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2520-120X>

ResearcherID: K-8102-2018

Submitted 24.10.2019

The period in the African American literary history after the Civil War and Reconstruction and up to the Harlem Renaissance (1870s–1910s) remains understudied both in Russia and in the USA. It was called 'the nadir of American race relations' by Rayford W. Logan, an African American historian and Pan-African activist. The 'nadir' (which means the 'lowest point') was, at the same time, the turning point in African American social and literary history that led to the new epoch, the 20th century. The educated Black elite – 'Negro middle class', being the creative community that pushed forward 'cultural production', was then a tiny group of intellectuals (priests, doctors, teachers, engineers, lawyers, etc.) who often combined their professional work with creative writing. The main conflict of the epoch was the opposition between the gentility code along with assimilationist aspirations, typical of the Black intellectual elite, and the color line – racist prejudices and segregation, typical of the American post-Reconstruction society with its fear of miscegenation. Under these circumstances, the Black intellectual elite, feeling its double alienation (racial – from the middle class whites, and social – from the Blacks of the lower class), comes to an understanding of racial solidarity and racial uplift as the mission of African American intelligentsia. Their 'going to the people' included criticism of their own class as hypocritical, passive, and indifferent to the sufferings of their 'Black brothers' as well as praising of the Negro rural folk character, its best moral qualities. Besides referring to the best-known writers of the period (Albery A. Whitman, Paul Dunbar, Charles W. Chesnutt), the paper covers some of the less known literary works – short stories by V. Earle Matthews, poems by Solomon G. Brown, and novels by James H. W. Howard, Walter H. Stowers and W. Anderson.

Key words: American literary history; African American literature of the 1870s–1900s; nadir; genteel tradition; rural folk character; intelligentsia; Victoria Earle Matthews; James H. W. Howard; African American studies.